

Если бы человек мог попасть во сне в Рай и получить в дар цветок как подтверждение, что его душа действительно там побывала, а проснувшись, обнаружить этот цветок в своей руке... О, что тогда?

— Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834)

У меня на руке так и остались отпечатки зубов громадного крокодила по имени Катберт, который существовал только в моей голове. О, и что тогда всё это значит?

— Малкольм Гордон Белл (11 лет)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Я расскажу вам об одном плохом сне. Вот только... он к тому же реален.

Не волнуйтесь — я тоже поначалу ничего не понимал.

Когда я был совсем маленьким, мне постоянно снился сон, как по железнодорожным путям к нашему дому прибегает крокодил и начинает гоняться за мной по саду. (Нашему бывшему дому. Мы там жили, пока папа не ушёл. Себ был ещё младенцем.)

Я просыпался и звал маму, и она приходила ко мне в комнату и говорила:

— Ш-ш, Малки, ш-ш. Себби разбудишь. Это просто плохой сон, — а потом садилась на краешек кровати, гладила меня по голове и напевала песенку со словами: «Пусть будет так, будет так, будет так, будет так...»

Но крокодил продолжал возвращаться.

Потом маме пришла в голову идея купить мне плюшевого крокодила и дать ему какое-нибудь

забавное имя. Мы назвали его Катберт. Никто по имени Катберт не может быть страшным, сказала она.

Так что однажды ночью (мне было лет шесть) мне приснилось, что крокодил снова появился у нас в старом саду и гоняется за мной, как раньше. Я остановился, ткнул в него пальцем и назвал по имени:

— Катберт!

И через считанные секунды монстр передо мной превратился в мою игрушку. Я заворожённо наблюдал — стоя в саду в своей пижаме со «Звёздными войнами», — как ороговевшая, чешуйчатая, бугристая кожа превращается в мягкий зелёный плюш, а жёлтые бритвенно острые клыки сменяются треугольничками жёлтого фетра. Он весь съёживался, пока наконец не сделался плюшевой игрушкой.

И всё это во сне.

Мама рассказывает, что когда я проснулся следующим утром, я крепко прижимал к себе игрушечного Катберта. Вскоре после этого кошмары прекратились.

Это был мой первый опыт управления сном, а я вроде как и позабыл о нём. А потом появился Сновидатор, и Катберт вернулся, ну и...

В следующий раз я увидел Катберта — настоящего Катберта, не игрушечного — несколькими годами позже: я был вместе с Себом, а крокодил выскочил из багажника машины, принадлежавшей

самому огромному злодею, который только жил на свете.

Тогда надо было и прекратить. Но я этого не сделал.

Я находился в месте более необъятном, загадочном и пугающем, чем где угодно на земле, которое только можно вообразить. Наверное, его можно назвать Страной снов — и вот там-то я и потерял Себя.

ГЛАВА 1

Это мой сон, я уже бывал здесь, и я разъярён и напуган. Разъярён, потому что этого не должно происходить, а напуган, потому что это *происходит*. Виноват во всём Себастьян, конечно. *Почему ему постоянно надо это делать?*

Даже я видел, что всё налаживалось. Мы с Себом не ссорились уже несколько недель. Мама была счастлива. Я нашёл в школе друзей. (Ну, *одного* друга, вроде как, но всё же... Вы с ней ещё встретитесь.) Папа позвонил впервые за уйму времени.

Я стою у входа в пещеру, гадая, что делать. Высоко в холодном синем небе надо мной кружит здоровенная чайка. В отдалении, на берегу, та же пара волосатых мамонтов, что и прежде, лениво пожёвывает тот же, что и прежде, именинный торт-переросток.

Я цокаю языком и думаю: «Почему Себу вечно нужно всё портить?»

Я мог бы просто проснуться. Вообще-то, именно так я собираюсь...

— Эй, вонючка!

Я поворачиваюсь и вижу, что позади меня, в прохладной тени пещеры, стоит мой брат в своей зелёной вратарской футболке.

— Что происходит? — рывкаю я на него. — Я же выключил Сновидаторы.

— Знаю. Зачем ты так сделал? — начинает ныть он. — Я их снова включил, потому что уснуть не мог. У нас с тобой ритмы сна рассинхронизированы.

«У наф ф тобой ритмы фна раффинхронивированы». Я знаю, что без трёх передних молочных зубов разговаривать непросто, но он даже не старается. В любом случае я не собираюсь каждый раз передавать это письменно, так что просто представляйте, что он говорит, как собачья игрушка-пищалка.

— Себ, приятель, — говорю я, стараясь не переходить на крик сразу же, — это небезопасно. Что-то явно не так, и мне кажется, мы должны...

— Не так с чем?

— Не так со Сновидаторами. С... со всем...

— Да ладно, Малки. Ты *сказал*, что мы это делаем. Ты *пообещал*!

Вообще-то ничего я не обещал, но он начинает канючить. Терпеть не могу, когда он канючит.

— Себ... Говорю же тебе, что-то неладно.

Он меня не слушает.

— А где остальные? — спрашивает он. Я качаю головой. Я всё ещё думаю, что нужно прекратить всё это здесь и сейчас. Себ начинает

принюхиваться. — Они были здесь. Ушли совсем недавно, я бы сказал. — Он указывает на дымящийся в ямке костёр. Снаружи порывистый ветер колышет пучки сушащихся в устье пещеры водорослей — они свисают длинными прядями, напоминая серо-зелёные флажки.

— Они ушли красть еду, — говорю я немного сварливо. — Ты же знаешь, как это бывает.

Последнее общее свидание? Совсем коротенькое. И всё, больше никогда.

— Что, без нас? — говорит Себ. — Так нечестно. Давай, Малк. Если надо будет — просто проснёмся.

Откуда-то — из глубин разума, где бы он теперь ни был? — в моей голове всплывает предупреждение. Как там было? «Твоя голова внутри больше, чем снаружи, Малки...»

— Малки! — кричит Себ. — *Идë-ë-ë-ë-ём!*

Я уступаю. В одном он прав: мы всегда можем проснуться и покинуть сон, когда захотим. По крайней мере *это* мне ещё удаётся контролировать. И как только появится крокодил — мы сразу же свалим.

Никогда в жизни я не совершал большей ошибки.

— Ну ладно, — быстро говорю я, чтобы не передумать. — Догоним их. Вряд ли они ушли дальше озера. И пообещай: если я говорю хватит — значит, хватит, ладно?

— Обещаю, — говорит Себ. Но я не уверен, что он меня слушает.

ГЛАВА 2

Мы пускаемся бежать трусцой, сжимая в руках по копьё с острым кремнёвым наконечником и по толстой дубинке с камнем размером с кулак, надёжно прилаженным к одному концу полосками кожи.

Мы добираемся до конца пляжа — он выглядит в точности как настоящий пляж у нас дома, в Тайнмуте (если не считать мамонтов, конечно), — и бежим вверх по холму, пока под нами не раскидывается огромная долина, на месте которой лет так через десять тысяч будет широкая дорога, и паб с живой музыкой, и район с невысокими многоквартирными домами. Но пока что ничего этого тут нет. Тут нет вообще *ничего* сделанного человеком — не считая проплывающего по небу старомодного дирижабля в форме гигантской золотой рыбки. Не спрашивайте, откуда он тут взялся. В снах каких только странностей не бывает, и я к этому времени уже вроде как привык.

Однако наших друзей нигде не видно.

Я говорю:

— Супербег. Сонным стилем. Готов?

Себ расплывается в щербатой улыбке, и мы немедленно начинаем нестись через долину, как два олимпийских бегуна, стремящихся к финишной черте. Бок о бок, в руках оружие, в ушах свищет ветер. Я бегу быстрее Себа, но когда вдали показывается Подливочное озеро, он равняется со мной, а потом и вовсе обгоняет. Он так и бежит впереди, когда мы спускаемся в неглубокий каньон, по которому течёт река мятного заварного крема (это сон, помните?), и мы пересекаем её, скача с камня на камень.

Я даю Себу хорошую фору, чтобы он подумал, будто побеждает. Мне ничего не будет стоит ускориться, точно рассчитав всё так, чтобы обогнать его и победить в последнюю минуту, но не втапывать в грязь — а то потом он наотрез откажется соревноваться.

И вот, когда Подливочное озеро становится ближе и я уже могу разглядеть силуэты наших компаньонов, собравшихся на берегу, я начинаю прикладывать больше усилий. Я делаю свои скачки всё мощнее и длиннее... но мне никак не удаётся догнать Себа. Я выкидываю оружие, активнее шевелю руками, выбросив вперёд подбородок, и бегу быстрее. И быстрее.

Опять это происходит. Мой сон меня не слушается.

Что не так? Я вообще не приближаюсь к Себу.

Я понятия не имею, как быстро мы бежим, но земля проносится под моими ногами с жуткой скоростью, однако, как бы я ни ускорялся, Себ хитрит, остается впереди.

Так не должно быть. Я ничего не понимаю.

Теперь я прекрасно вижу Коби и остальных и никак не успеваю затормозить вовремя. Я мчусь так быстро, что пробегаю мимо них — прямо в ледяное озеро. Там водянистая школьная подливка наконец замедляет меня, и я падаю лицом вперед, погружаясь с головой, и выныриваю, жадно хватая ртом воздух. Остальные тычут в меня пальцами и смеются, а Себ радостно скачет, победно вскинув руки.

Холод подливки шокировал меня.

То, что Себ меня обогнал, шокировало меня ещё больше.

Я всё ещё стою на отмели коричневого озера и оглядываю собравшихся: тут маленькая Эрин, старая Фарук и, само собой, пещерный мальчик Коби — он выглядит точно так же, как в книге Себа, то есть мультяшно. По сути, он картинка, которая ходит и разговаривает. На нём меховая накидка, перекинута через одно плечо, и дубинка с камнем на конце, как та, которую я недавно выбросил. При взгляде на его меха мне становится ещё холоднее, потому что на мне самом вымокшая насквозь пижама. Я закрываю глаза и говорю:

— Сменить пижаму на мех, — а потом жду.

Ничего не происходит. Я пробую снова, но я уже подрастерял уверенность.